

“Эти непонятные россияне”, или как нас воспринимают иностранцы

А. С. Бикеева, учитель английского языка,
автор книг и статей по вопросам образования,
г. Самара

Культурный шок” – это то, что испытывает человек, встречаясь с другой культурой, с другим менталитетом. Преподаватели иностранных языков и переводчики сталкиваются с этим особенно часто, так как находятся на стыке двух культур, на узкой пограничной полосе между культурой своей страны и культурой (или как сейчас принято говорить менталитетом) страны изучаемого (преподаваемого) ими языка.

Особенно ярко проявляется различие наших менталитетов при непосредственном общении с иностранцами. Случается много разных забавных эпизодов, объясняемых разностью нашего мышления, наших культур.

Вы когда-нибудь пробовали объяснить иностранцу, что такое “заклеивать окна на зиму”? А мы, преподаватели иностранных языков, к сожалению, пытались.

В нашей гимназии преподаются три иностранных языка – английский, немецкий, французский. Часто бывают иностранные гости из разных стран. И вот однажды осенью приехал к нам один преподаватель из Западной Германии. Мы, учителя иностранных языков, приготовили угощение, накрыли на стол. Сидим, пьем чай, общаемся – все прекрасно. И тут наш немецкий гость спрашивает о двух наших отсутствующих коллегах – учительницах немецкого языка, которые гостили у него в Германии. Эти две учительницы отсутствовали, так как в это время они заклеивали окна в классной комнате, где после чаепития должен был состояться открытый урок. К уроку все приготовили, но никто не подумал, что наш гость может замерзнуть, так как в помещении, где должен был состояться урок, а затем выступления наших школьников на немецком языке, было довольно холодно – стояла поздняя осень, а окна в классе не были заклеены. Сменить этот класс на более теплое помещение было невозможно, так как все намеченные мероприятия были завязаны на декорациях, специально сделанных в этом классе. Да и в эту классную комнату мы стащили всю лучшую технику со всех остальных кабинетов школы: телевизор, видеомангнитофон, кадоскоп и др. Поэтому было принято простое и самое разумное (для россиян) решение –

срочно заклеить окна. А, что нам стоит – это же для нас легко и просто! Именно те две учительницы и стали это делать, так как боялись, что кто-то другой может испортить что-нибудь из приготовленного к уроку и последующим выступлениям. Они-то и готовили всю программу. Итак, завхоз школы побежал в магазин за бумагой для оклейки окон. Работники школьной столовой бросились по своим рабочим местам срочно варить клейстер, которым можно, как известно всем россиянам, намертво заклеить окна на зиму.

Но вернемся к чаепитию. Пока за нашими спинами наши коллеги трудились в поте лица в бешеном ритме, мы сидели с иностранным гостем за столом, пили чай и вели светскую беседу, как ни в чем не бывало. И тут он спрашивает про этих самых двух учительниц, которых он знал лучше всего из нашего коллектива. Вот здесь и началось самое интересное.

Одна из наших коллег возьми да и скажи правду: “Да они скоро придут. Они сейчас в своем кабинете окна заклеивают”. Наступила неожиданная пауза. По выражению лица немца мы поняли, что он растерялся. Но немец стойко молчал, пытаюсь понять смысл только что услышанного ответа. Учительница, сообразив, что сказала что-то не то,

задорно и жизнерадостно добавила: “В этом кабинете вы посмотрите открытый урок, а потом несколько сказок и сенок на немецком языке. Выступать будут наши российские дети”. Немец закивал облегченно головой, видимо, все понял. И вдруг спросил: “А чем вы обычно заклеиваете окна?” Учительница, не моргнув глазом, с лучезарной улыбкой на лице среагировала сразу: “Бумагой, белой бумагой”. Опять наступила неловкая пауза. Но учительница и тут не растерялась. Хотя уже и без улыбки, но добавила: “У нас в магазинах такая специальная бумага продается – для оклейки окон”. Немец обдумывал ответ целую минуту. Мы замерли. Беседа не клеилась. Потом его лицо просветлело, и он радостно закивал головой, но вдруг опять стал

сосредоточенно серьезным и строго спросил: “А что в ваших классных комнатах нет ни штор, ни жалюзи? И вам всегда приходится для выступлений заклеивать окна специальной бумагой?” Мы все обомлели и, наконец, поняли, что наш гость имеет в виду. Он, видимо, представил, что в наших классах нет ни штор, ни жалюзи, и когда проходят какие-либо детские праздники, утренники, выступления и при этом мешает дневной свет, то российские учителя быстро заклеивают стекла специальной белой бумагой, купленной в специальном хозяйственном магазине.

Когда до нас дошло, что подумал про нас немец, в разговор решительно вмешалась другая учительница немецкого языка и просто объяснила: “Да нет, эта специальная бумага для оклейки окон продается уже разрезанной на узкие полоски. Мы заклеиваем окна не целыми листами белой специальной бумаги для оклейки окон, а узкими полосками”. Изящными пальцами более опытная учительница показала бедному немцу ширину полосок специальной бумаги для оклейки окон, которой мы в школьных классах заклеиваем окна.

Немец напрягся, чувствовалась напряженная мыслительная деятельность в его голове. Около двух минут он переваривал свежеполученную информацию. Потом лицо его просияло, и он почти радостно сказал: “Понял, понял. Так заклеивали окна во время войны – узкими полосками, крест накрест”. Но тут немец опять сник и робко спросил: “А зачем вам сейчас так заклеивать окна? Вы опасаетесь террористов?”

Мы окаменели. Спасая тяжелую ситуацию зашедшего не в ту степь разговора, инициативу на себя взяла завуч, великолепно владеющая немецким языком. Совершая филолого-лингвистическое чудо, она спокойно и подробно объяснила замученному немцу: “Понимаете, дело в том, что специальной бумагой для оклейки окон мы заклеиваем вовсе не окна”. Немец напрягся до предела, не только его волосы, но и лицо встало дыбом. Он открыл рот, чтобы задать нам свой очередной каверзный вопрос. Но не тут-то было. Наша завуч (она была самая умная из всех нас) молниеносно изобразила на своем лице советский плакат “Добро пожаловать!” из пионерского лагеря нашего детства и также спокойно и терпеливо продолжила свои объяснения: “Дело в том, что специальной бумагой для оклейки окон мы заклеиваем рамы”. Лицо немца приобрело слегка сероватый оттенок. “А зачем?” – только и смог он выдать из себя шепотом.

Мы все сидели так, словно проглотили по сабле. Но самая умная из нас и тут не растерялась. С

лепительной улыбкой на лице, “не повернув головы качан и чувств никаких не изведав”, она продолжала объяснение: “Дело в том, что в наших рамах – очень большие щели, и в них при сильных морозах и холодах дует, поэтому в помещении становится довольно прохладно”. Мы оценили этот лингвистический шедевр. Совершенно сбитый с толку немец все же не сдавался и хриплым от напряжения голосом спросил: “А если в большие щели так сильно дует, то удержит ли этот холод узкая полоска бумаги?” Завуч растерялась и немножко замешкалась с ответом. А немец с железной логикой продолжал: “Правда, вы сказали, что это – специальная бумага для оклейки окон”. Наконец, самая умная из всех нас уже обдумала достойный ответ.

Уже без улыбки, но с чувством собственного достоинства, она четко произнесла, чеканя каждое слово по-немецки: “Понимаете, прежде чем заклеивать щели в рамах, мы их протыкиваем ватой”. Эта фраза была суперхитом нашего тяжелого разговора. Мы по достоинству оценили выдающиеся лингвистические способности нашего завуча и ее необъятно богатый словарный запас.

Но немец продолжал задавать вопросы. Он изо всех сил пытался нас понять. “А вата у вас тоже выпускается специальная – для протыкивания щелей в рамах?” “Конечно”, – ни секунды не раздумывая, парировала завуч, собрав в последний кулак оставшиеся силы. Мы все затаили дыхание. Неужели и дальше последуют вопросы? Ну какие еще могут быть вопросы?!

Нам повезло, немец больше не успел нас ни о чем спросить. Тут наконец пришли как раз те две учительницы, о которых он спрашивал и которые в течение нашей беседы самоотверженно заклеивали окна специальной бумагой для оклейки окон, предварительно протыкивая щели специальной ватой для протыкивания щелей.

Немец так обрадовался вошедшим дамам! А как обрадовались им мы! Это просто не передать словами. Мы повели нашего гостя на открытый урок и последующие выступления наших детей на немецком языке. Все это продолжалось около двух с половиной часов. Иностранного гостя на всякий случай посадили подальше от окна, чтобы он не замерз. Все это время наш гость радовался, аплодировал, щелкал фотоаппаратом и громко восторгался нашими детьми.

Потом, когда все показательные выступления закончились, немец поблагодарил детей и учителей. А когда все дети ушли, немец робко обратился к нашему

завучу: “А могу я посмотреть на заклеенные окна, пожалуйста”. Завуч не могла больше произнести ни слова, но она мужественно повела гостя к окну. Немец все внимательно рассматривал и даже трогал руками свежеприклеенные узкие полоски специальной бумаги для оклейки окон. Нам показалось, что он изучал наше российское протыканное и заклеенное окно не менее 10 минут. Тут кто-то отчаянно смелый из нас неестественно жизнерадостно предложил: “Гер Штольд, мы приглашаем вас на обед”. Немец задумчиво посмотрел на завуча, потом туманно-рассредоточенным взглядом окинул всех нас и осторожно произнес: “Да-да, большое спасибо. Я с удовольствием пообедаю с такими замечательными преподавателями. Но можно мне задать вам последний вопрос?” Самая умная из нас изменилась в лице. Немец вежливо продолжал: “Извините, что я задаю вам слишком много вопросов. Но я обещаю, это точно последний вопрос”. “Наверное, он решил доконать нашего завуча”, – подумали все мы. Но завуч молча, героически кивнула

головой в знак согласия, так как произнести она была больше не в силах ни единого слова.

“Фрау Галина, пожалуйста, объясните, а зачем делать такие рамы?”

Мы все застыли перед ним в точном соответствии с немой сценой великого Гоголя. Ни соображать, ни говорить не было сил ни у кого. Единственное, чему мы все искренне радовались, так это тому, что никто из нас не проговорился о клейстере, на который мы в России обычно приклеиваем специальную бумагу для оклеивания окон после протыкивания щелей в рамах специальной ватой для протыкивания щелей. Слава богу, нам не пришлось выдавать иностранцу секретный состав народного клейстера, который держит спецбумагу со спецватой намертво. И тем более объяснять, каким образом, а вернее каким предметом мы все эти спецсредства сдираем и счищаем с наших окон потом. Слава богу, не пришлось! Ведь это уже было бы разглашение государственной тайны. Спецсредства – это всегда военная тайна!